

*Soda
Press*

НЕВИДИМЫЕ

ГОЛОВА

Микита Франко ✦ Марина Козинаки · Саша Карин ✦ Ольга Птицева
Евгения Некрасова · Анна Береговая ✦ Екатерина Бордон · Алиса Осипян
Александра Воробьева ✦ Людмила Жуковская · Александра Яковлева
Яна Москаленко ✦ Алена Петровски · Ирина Родионова ✦ Лия Раздольная
Александра Старк · Дарина Стрельченко · Дарья Трайден
Диана Шаматава ✦ Стана Корунная

SODA PRESS

Москва, 2026

УДК 82-32
ББК 84(2)6
Н40

Авторы: Анна Береговая, Екатерина Бордон, Александра Воробьева,
Людмила Жуковская, Саша Карин, Марина Козинаки,
Стана Корунная, Яна Москаленко, Евгения Некрасова, Алиса Осипян,
Алена Петровски, Ольга Птицева, Лия Раздольная, Ирина Родионова,
Александра Старк, Дарина Стрельченко, Дарья Трайден,
Микита Франко, Диана Шаматава, Александра Яковлева

Книга издана с согласия авторов. Все права защищены.
Любое воспроизведение, полное или частичное,
в том числе на интернет-ресурсах, а также запись
в электронной форме для частного или публичного использования
возможны только с разрешения правообладателя.

Н40   Невидимые голоса / М. Франко, О. Птицева, Е. Некрасова и др. — Москва :
Soda Press; Эксмо, 2026. — 192 с. : ил.

ISBN 978-5-04-242592-9

«Невидимые голоса» — сборник автофикшн-рассказов современных русскоязычных авторов и финалистов опен-кола вебзина Autovirus.

Каково это — жить в мире, который хочет видеть всех одинаковыми? Герои сборника размышляют об этом и ищут собственный путь: отстаивают свою идентичность, справляются с травматичным опытом, теряют и обретают дом. Они хотят сделать невидимое видимым и рассказать о том, о чем мы не знаем или знаем совсем мало. Ведь понять, кто ты на самом деле, когда отличаешься от пресловутой «нормы», может быть непросто.

УДК 82-32
ББК 84(2)6

© А. Береговая, Е. Бордон, А. Воробьева,
Л. Жуковская, С. Карин, М. Козинаки,
С. Корунная, Я. Москаленко, Е. Некрасова,
А. Осипян, А. Петровски, О. Птицева, Л. Раздольная,
И. Родионова, А. Старк, Д. Стрельченко, Д. Трайден,
М. Франко, Д. Шаматава, А. Яковлева, текст, 2022
© Издание, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026
Soda Press

**webzine
autovirus**

ISBN 978-5-04-242592-9

Я много чего не люблю делать.

Как правило, я не знаю заранее, люблю что-то или нет, поэтому пробую, а потом, если мне не понравилось, добавляю это действие в специальный список действий, которые не люблю.

Список начинается со слова «пылесосить», потому что, наверное, это первое, что я сделал и про что подумал: «Не люблю». По мере моего взросления он расширяется: от «кататься на велике» (долгая история) до «получать высшее образование».

Еще есть дела, которые обычно совершаются вместе с другими людьми, и для таких дел у меня есть отдельный список нелюбви. Например:

- трогать людей;
- обниматься;
- целоваться;
- заниматься сексом.

Есть вещи, которые я бы хотел делать, но никогда не делаю, потому что не умею. Там короткий список:

- влюбляться.

Когда я был маленький, там было «Становиться невидимкой» и «Читать мысли», но потом я вычеркнул эти пункты. Иногда добавляю туда пункт «Дружить» — и его тоже вычеркиваю, а потом снова возвращаю, потому что на самом деле не знаю, умею дружить или нет.

Это как быть астронавтом (именно астронавтом, а не космонавтом, потому что «космонавтами» называют полицейских, и я не хочу быть космонавтом). Я астронавт, который никогда не снимает скафандр, потому что отгораживается им от окружающего мира. Скафандр приглушает звуки, а через смотровое стекло контуры людей и предметов кажутся иллюзорными. Когда ты в скафандре, тебе все равно, трогают тебя или нет, обнимают или нет, целуют или нет. Когда я не хочу, чтобы меня целовали, я мысленно захопываю гермошлем — и тогда неважно, целуют ли меня на самом деле.

Но правда в том, что, если ты смотришь на мир через стекло гермошлема, значит, ты на чужой планете.

Я помню день, когда стекло едва не лопнуло вовнутрь.

Это был Новый год. Майло приехал, потому что Майло всегда приезжает на Новый год. Мы познакомились в Канаде, в старшей школе: он был второгодником в двенадцатом классе, а я — паинькой из девятого. Я сделал ему дерьмовую домашку по английскому в обмен на курево — так и началась наша дружба.

Потом я вернулся домой, потому что я всегда возвращаюсь домой. Это сложно объяснить. Прощаясь, мы пообещали друг другу заключить брак через двадцать лет: он, я и никакого гейства. Это лучшая клятва, которую могли дать друг другу асексуал с гетеросексуалом.

С тех пор прошло несколько лет. Мы еще не заключили брак, и Майло — просто мой друг, самый легкий для дружбы друг: мы редко видимся. Когда Майло приезжает, мы обнимаемся с ним три секунды — это приемлемые объятия после долгой разлуки. С другими друзьями я так не делаю, потому что, если мы не разлучались, обниматься ни к чему.

У объятий существует определенная философия, которую я придумал сам: когда люди обнимаются, они долж-

ны быть как пазлы, которые друг другу подходят. Я знаю об этом, потому что, когда был ребенком, обнимался с родителями и мы друг другу подходили. В детстве я выучил правильное ощущение объятий, а после старался повторить его с другими людьми — и это никогда не срабатывало. Я словно был пазлом из другой коробки. Обниматься не больно и не страшно, но это неизбежное столкновение с чуждостью окружающего мира.

Наступающий Новый год должен был выгодно отличаться от других: мы запланировали тусовку, как в американских фильмах про подростков. Я не знал заранее, люблю тусовки или нет, поэтому решил попробовать.

У нас были съемная квартира, алкоголь, курево, громкая музыка, куча друзей. В основном то были друзья Майло — он умудрялся их находить, зная по-русски всего две фразы, одна из которых матерная, а другая: «Здравствуйте, где Красная площадь?» Совершенно бесполезный вопрос в Новосибирске.

К девяти часам начали подтягиваться люди. Кто-то врубил музыку — Валентина Стрыкало, «Мама, я гей». Она потом играла по кругу около семи раз, пока Майло не переключил на «Нирвану». Майло не был геем.

Все пили, кроме меня и Майло. Он курил, а я в ужасе шарахался от окружающих: Дима с такой страстью целовался возле окна со своей девушкой, что они оторвали занавески. Я сразу смекнул, что от людей лучше держаться подальше.

Дождавшись полуночи, поздравлений с Новым годом и криков: «Ура-ура!», я отправился на кухню мыть посуду. Все лучше, чем бесцельно шататься без дела. За мной увязался Серый — не знаю, кто это, но все говорили про него «Серый», — и там, заняв место за кухонным столом, он начал со мной разговаривать. Такая картина: я мою посуду, а он разговаривает. Как будто сраное радио.

— Знаешь, я недавно путешествовал по Золотому кольцу, — говорил он. — На поезде.

— Ага, — ответил я.

— Такая красота, церквушки...

Меня выбесило слово «церквушки», чуть стакан не выронил. Но промолчал.

— И люди везде разные, но такие хорошие...

Я думал, что, если достаточно упорно молчать, он уйдет. Но Серый продолжал:

— В Ростове кремль такой красивый...

Я домыл посуду, вытер стаканы и сказал:

— Серый, хватит со мной разговаривать.

Он сказал: «Извини» — и ушел. Мне сразу стало неудобно. Но иначе я не мог: у меня от грома музыки, шума голосов и мельтешения людей болели уши, глаза, органы обоняния и осязания, и как будто бы весь я тоже от этого болел.

И еще чертовски хотелось плакать, но, если бы я расплакался на тусовке, все бы встревожились, начали спрашивать: «Мики, почему ты плачешь?» — а я бы не смог назвать причину, потому что правда ее не понимал. Поэтому не плакал, держался. Не то чтобы я считаю, что это правильно — подавлять эмоции, но уж если начал плакать, так изволь объясниться.

На кухню вскоре стали набиваться люди. Я спросил, чего это они приперлись (на самом деле я сказал «пришли», а подумал — «приперлись»), а они ответили, что две комнаты заняты: в одной уединились Дима с девушкой, а в другой вызывают Пиковую Даму. Я спросил: «А вы че не вызываете?» — а они ответили: «А вдруг придет». Я, хмыкнув, пошел в гостиную — там людей стало поменьше.

В гостиной стоял праздничный стол: таким, по крайней мере, он был до полуночи, а когда я поубирал с него посуду,

он превратился в просто вытянутый стол, накрытый скатертью. Телек работал, шумел советским «Голубым огоньком». Серый и его подружка, Маша кажется, всерьез смотрели в экран, устроившись на диване. Майло курил в открытое окно, но, когда я вошел, он тут же начал за мной наблюдать. Я пытался представить, каким кажусь со стороны: подавленным, нервным, нездоровым?

— Мики, — негромко позвал Майло, оставляя тлеющий окурок в пепельнице.

— М? — отозвался я.

— Пойдем под стол?

Это было такое странное предложение, что я растерялся:

— Под стол?

— Под стол.

— Нет.

Я подумал: что за глупости? Но в ту же секунду спросил себя: разве может стать еще хуже?

Может, конечно, если в соседней комнате, вызывая Пиковую Даму, перевернут свечи, загорятся шторы, начнется пожар, мы все умрем...

Так, тихо-тихо. Я заткнул внутренний голос, отвечающий за панику, и вернул пульт управления голосу, отвечающему за рациональные решения.

Итак, залезть с кем-то под стол, будучи взрослым, звучит как что-то, что я никогда не пробовал. Значит, я не знаю, понравится мне или нет. Значит...

— Хотя давай, — сказал я. — Пошли.

Присев на пол, мы приподняли скатерть и забрались под стол, спрятавшись там, как в домике: скатерть свисала почти до пола, даря нам укрытие от окружающего мира. Чтобы не удариться головой о столешницу, пришлось лечь, а чтобы не торчали ноги — согнуть их в коленях, а чтобы Майло

тоже поместился, нужно было позволить ему лежать очень близко. Я позволил.

И тогда он спросил:

— Хочешь я тебя обниму?

Я спросил себя: «Разве может стать еще хуже?» — и ответил:

— Давай.

Я приподнял голову, он протянул руку под моей шеей и обнял за плечо, а я, подвинувшись, устроился на его ключице. Пахло куревом и горелыми спичками. Из динамиков ноутбука, смешиваясь с «Голубым огоньком», играла песня Tom's Dinner.

Туру-туру-тут-ту-руру...

Майло начал щелкать в унисон с музыкой и подпевать:

*I am sitting in the morning
At the diner on the corner,
I am waiting at the counter
For the man to pour the coffee...*

Я молчал, потому что не знал слов. А если бы знал слова, то все равно бы молчал, потому что не умею петь. Так что, наверное, не очень-то и важно, почему я молчал. Главное, что я покачивал коленкой в такт.

*And he fills it only halfway
And before I even argue
He is looking out the window
At somebody coming in...*

Было хорошо. Под столом я никого не видел и не слышал, кроме Майло. Я перестал слышать «Голубой огонек» и пере-

стал слышать, как гудят голоса на кухне. Под моей щекой вибрировала поющая грудная клетка.

Воздух точно переменялся. Это было похоже на возвращение домой.

Майло допел до женщины, которая смотрит в витрину на свое отражение, и, обрывая самого себя, вздохнул:

— Вот так вот, Мики.

Я поймал себя на том, что забыл подумать, будто я кусочек пазла, не подходящий к картинке. Что это значит? Значит ли это, что я подошел?

Я открыл гермошлем своего воображаемого скафандра и посмотрел на Майло.

— Ты что, тоже с другой планеты? — спросил его я.

А Майло ответил:

— Конечно с другой, Мики.

Я снова примостился к его плечу, мысленно создавая новый список: «Вещи, которые я люблю делать». Первый пункт: «Лежать под столом вместе с Майло».

TW: буллинг

Я сижу на кухне, стул подо мной поскрипывает. Это хорошо, значит, тело мое все еще что-то весит. Я стараюсь не плакать, но голос дрожит, и руки дрожат, и в горле наждачка. На экране ноутбука Ирина — мой терапевт, она смотрит сочувствующе, но выжидательно, мол, давай уже формулируй.

— Попробуйте выдыхать через рот, — подсказывает она.

Я выдыхаю. Надо успокоиться, чтобы оно опять не началось. Я уже чувствую, как расплзаюсь. Стираются границы тела, идет рябью стол, на котором лежит моя рука, и скомканный бумажный платочек проступает сквозь. Вдыхаю через нос, выдыхаю через рот.

— Вы говорили про одиночество, так? — напоминает Ирина.

— Да. — Еще один вдох и выдох, кошусь на руку, кожа на ней тоненькая и прозрачная. — Когда я одна, то сливаюсь с пространством, понимаете? Не чувствую себя в теле. — Сбиваюсь, ищу слова. — Типа я лежу на кровати, но не знаю точно, где кончаюсь я, а где начинается кровать.

— Хорошая метафора, — хвалит Ирина.

Только это не метафора. Это оно случается со мной.

Мне было девять, когда оно случилось в первый раз. Возможно, бывало и раньше, но я не запомнила. Хотя как это можно не запомнить? Начало марта, под ногами уже не снег, а каша из реагентов, воды и льда. Ботинки вязнут в ней, не выдернуть, и я ташу их, почти не отрывая от земли.

И себя ташу. Вельветовые штанины промокли и хлопают по щиколоткам, передают талую воду дальше — носкам и колготкам под носками. Снизу мне холодно, зато сверху жарко.

Под тяжелым пуханом я исхожу на пот и жирную пленочку. Даже щеки покраснелись, а ко лбу прилипла челка, которую бабушка вчера самолично подстригла, чтобы волосы не лезли на глаза. Я пытаюсь вытереть лицо, но попадаю локтем в очки. Перепаиванная дужка впивается в ухо. Пока я вожусь, меня обгоняют две девочки — одна в клетчатом пальто, вторая в дутой курточке. Та, что в пальто, — Зоя — несет подарочный пакет, из него торчат плюшевые уши. У той, что в курточке, — Лизы — в руках коробка, завернутая в блестящую бумагу. Я тоже несу подарок — две книжки, перевязанные бантиком. Там Крапивин — про бронзового мальчика и кружок фехтования.

— Вы к Олесе? — спрашиваю я, хотя ответ очевиден.

День рождения Олеси — главный день года. Лучший день года. Куча еды, аниматоры, все одноклассники, все сплетни и углеводная кома после торта. Лиза мне улыбается, я ускоряю шаг, почти теряю ботинки, но это уже неважно. Мне теперь есть с кем идти.

В прихожей у Олеси тесно, пахнет влажной обувью и лаком для волос. Вешалка уже кренится от разноцветных курток и, когда я тянусь, чтобы повесить свой ватный пухан, начинает падать. Кто-то визжит, Зоя закатывает глаза, я пытаюсь поймать вешалку, но на меня уже сыпется чужая одежда.

— Оля уронила! Это Оля уронила! — кричат сразу несколько голосов, а я сижу на полу и прижимаю к лицу свой никчемный пухан, тяжелый, как гиря.

— Вот дура, — шепчет кто-то.

И самое страшное сейчас — поднять голову и увидеть, кто именно. Но мне кажется, что Олеся. Ее бабушка когда-то дружила с моей, и дружба эта перешла нам с Олесей по наследству. Такой причины было достаточно, пока мы вместе ходили во второй класс. А к третьему оказалось, что нужно что-то еще. Например, красивое пальто, как у Зои.

— Проходите в комнату, не толпитесь на холодном, — говорит Олесина мама.

Я смотрю, как она ловко раскидывает упавшую одежду по полкам и крючкам, улыбается мне, мол, все в порядке, и тянется за пуханом, который я продолжаю прижимать к груди.

— Сходи руки помой, сейчас кушать будем.

Киваю, прячусь за дверь в ванную комнату — там все сверкает, а пол теплый. Сегодня утром дед зачищал швы между плитками в нашей ванной от плесени, и я не успела помыть голову. Бабушка заплела мне две косички, но ровный пробор между ними остался засаленным. Стараюсь не смотреть в зеркало, брызгаю на лицо водой, выхожу наружу. А там Олеся — на ней розовое платье в пайетках, волосы она накрутила на плойку и даже тенями накрасила глаза.

— С днем рождения, — шепчу я.

Подарки у нас отобрали на входе, чтобы они красивой кучей лежали в детской. Так что я прячу влажные руки в карманы.

— Я с тобой больше не хочу дружить, — говорит Олеся и закусывает губу, блестящую от помады с блестками. — У тебя родители бедные. Не приходи больше.

Я почти не слышу, что она говорит, в столовой уже включили музыку. Но всё понимаю сразу. Делаю шаг в сторону. К двери. Олеся берет меня за локоть.

— Мама ругаться будет. Пойдем кушать.

И я послушно иду за ней. И горячая радость собирается в груди. Если разрешила остаться, то, может, еще наладится все. Может, еще обойдется. Но за столом на меня никто не обращает внимания. Сменяются блюда — салат с крабами, куриный рулет с сыром, маленькие бутербродики с рыбой, фруктовая нарезка с мороженым. Все едят и хохочут. И я ем и хохочу. Рядом сидит Зоя, я толкаю ее локтем, но она отодвигается, я смотрю на нее, пока она не поворачивает ко мне свое узкое лицо с длинным носом. Ничего не говорит, а просто смотрит мимо меня.

И оно происходит.

Я чувствую, что меня больше нет в этой комнате. Я не сижу на стуле, не комкаю в пальцах шарик из хлеба, не звеню вилкой о край белоснежной тарелки, слишком большой для порции, которую я осмелилась взять. Через меня пролетают шутки — Дима Погодин пародирует трудовика, получается похоже и зло, потом Лера Савельева сбивчиво кричит что-то про русичку и парик, ее заглушают хохотом.

Через меня можно разглядеть стены, кожаный диван и картину — там Олесе пять лет и она похожа на принцессу. Через меня передают графин с соком и шоколадные конфеты, и ни одни пальцы не соприкасаются с моими, потому что у меня нет пальцев. Мне больше не жарко, я не потею и не становлюсь красной.

Я комнатной температуры, я пахну детским потом и духами Олесиной мамы, на вкус я упавший на пол кусок холодной курицы. Никто не называет меня по имени, я поднимаю руку, чтобы мне дали слово, но воздух надо мной только идет легкой рябью. Меня нет. Я хочу закричать, чтобы все замолчали и обернулись, но голоса тоже нет. Есть только общий шум, в котором уже не различить, говорю это я или кто-то другой, один из тех, кто существует.

Все, что от меня осталось, сползает на пол и тащится в коридор. Несуществующими руками я тяну с вешалки пухан, натягиваю его сырую тяжесть, и он парит в воздухе, обозначая место, на котором меня нет. Я засовываю ноги в ботинки, я заворачиваю шею шарфом.

— Бабушка тебя встретит? — спрашивает Олесина мама.

Она смотрит устало, но видит, что я еще тут. Мамы умеют видеть всех. Даже чужие мамы. Киваю и выхожу. Вечером, когда я затихаю под одеялом, бабушка садится на край кровати и греет мне ноги в горячих ладонях.

— Совсем ледяные, — вздыхает она.

И я наконец обретаю плотность.

— Они не видели меня до девятого класса, — говорю я экрану ноутбука. — Не звали с собой, игнорировали, смеялись.

— А что делали вы? — спрашивает Ирина.

— А я смеялась вместе с ними.

— Над собой?

— Да. — Сжимаю и разжимаю кулаки, чтобы проверить, есть ли у меня пальцы. — Так мы будто бы были заодно. Но не были, конечно. — И повторяю, чтобы она точно услышала: — Они меня не видели.

И пока Ирина молчит, я чувствую, что оно снова со мной случается. Зыбкость тела, пустота там, где я занимаю пространство. Необходимость раз за разом доказывать, что я есть. Ты точно меня любишь? Позовите меня с собой. Скажи, что я тебе дорога. Почему ты молчишь? Не отдайтесь. Будьте со мной. Обнимите меня. Оставьте мне комментарий. Позвони вечером. Поцелуй меня прямо сейчас. Говорите со мной. Дайте мне отражаться в том, как вы смеетесь над моими шутками. Я громкая. Меня много. Я доказываю вам, что я есть. А без вас оно случается со мной

снова и снова. И в комнате, которую я заполняю вещами, что определяют меня, только они и остаются: лампа, книги, плед, ноутбук с дурацкими стикерами, цветок в горшке, телефон без оповещений, шкаф, забитый красивым и дорогим. И никакой меня.

— Оля, — голос Ирины, как старый пухан, обозначает мое присутствие. — Я вас вижу.

Этого мало, чтобы увидеть себя самой. Но достаточно, чтобы начать смотреть.

TW: сексуализированное
насилие

Тетя Галя жила так далеко, что мы к ней ехали два дня на поезде — в другой город и даже в другую часть страны, на Волгу. Тетя Галя работала учительницей и приходилась маме двоюродной сестрой. По телефону она вечно хвасталась своей дачей, куда перебиралась на время летних каникул выращивать клубнику и разводить кроликов.

«Здесь я отдыхаю от двух работ, — говорила она, — на государство и на семью».

Семья у тети Гали была приличная: муж и трое сыновей. Все ее дети учились в той же школе, где она работала, и им доставалось по полной программе. Тетя Галя так и говорила: «На уроках им достается по полной программе, никакого особого отношения». Возможно, поэтому сыновья то и дело приезжали на дачу — помогали по дому, пололи грядки, изредка возились с мелкой мной. Пытались это особое отношение заслужить.

Старший был уже студент, он приезжал чаще. Когда мы с мамой сошли с автобуса, он как раз ремонтировал крышу дачной веранды. Средний учился в десятом и на каникулах подрабатывал в городе — его я видела раз или два. Как их звали? Как они выглядели? Имена и лица стерлись из памяти. Зато младшего я запомнила накрепко.

Тетя Галя звала его Петенькой. Только так: Петенька, сыночек. Тем летом Петеньке исполнилось десять, он был вдвое старше меня. На время нашего приезда его вызвали из города, чтобы дружить со мной. Нам разрешалось играть в доме